

Ноздрунов А.В.,
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии и культурологии
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»

Внутренние аксиологические противоречия регулятивных систем законодательного типа

В статье рассматриваются противоречия внутри законодательного типа регуляции, основанные на его аксиологических особенностях. Происходит анализ механизмов противоречий подобного рода, и предлагаются способы их решения.

***Ключевые слова:** социальные нормы; регулятивные системы; доминантный тип регулятивной системы.*

Nozdrunov Alexander, Candidate of Philosophy,
Senior Lecturer department of Philosophy and culturology,
Orel State University

Internal axiological contradictions of regulatory systems of legislative type

In article the contradictions in legislative type of regulation based on his axiological features are considered. There is an analysis of mechanisms of contradictions of this sort, and ways of their solution are proposed.

***Keywords:** social norms; regulatory systems; prepotent type of regulatory system.*

В современном обществе законодательная система сталкивается с большим количеством норм поведения, различными социально-культурными феноменами, институтами и так далее, требующими от нее непосредственной оценки. В самом простом виде такая оценка может быть сведена к одной бинарной оппозиции: одобрение или же запрет, нарушение которого способно повлечь за собой определенные, конкретные санкции. Однако исключительно запретительные меры законодательного типа регуляции не способны полностью исключить то или иное явление из социального пространства, и в случае сохранения актуальности или включенности явления в другие регулятивные типы, оно способно продолжать свое функционирование и дальше. Например, добровольная проституция, торговля наркотиками, нецензурная брань и так далее активно продолжают существовать в Российском социуме, несмотря на наличие фактического запрета. С одной стороны, это объясняется за счет разницы между универсальной и локальной доминантными

системами регуляции, в особенности в их гибридном виде [4, с. 749 - 759]. С другой – некоторые противоречия содержатся в самой институциональной структуре.

Вне контекста интеграции того или иного социального явления в государственную либо же иную другую институциональную структуру, управляющая инстанция не способна интерсубъективно контролировать его функциональность, а также процессы, протекающие в нем. Фактически, несмотря на всю очевидную выгоду такой интеграции и, следовательно, легализации того или иного явления, инстанцией осуществляется некоторое дистанционирование, ограниченное формальным запретом.

В данной статье речь пойдет о другой стороне, причины которой кроются в самой структуре законодательного типа регуляции. Основными параметрами данного регулятивного типа являются: локальность, изменчивость и постоянное усовершенствование; четкая фиксация; систематизация; рациональность; обязательность легитимного субъекта-автора; обязательное наличие контролирующей инстанции.

Функционально легализация конкретного явления интегрирует его функции в определенную социальную группу. Однако, с аксиологической точки зрения, все обстоит несколько сложнее. Помимо формальной интеграции, легализация феномена также подразумевает его трансформацию в некоторую ценность, поддерживаемую и одобряемую данной инстанцией.

Для архаических обществ или социальных групп, в которых доминантной регулятивной системой будет выступать традиционный тип, аксиологическая проблема нивелируется как таковая. Ее не может существовать, так как фактически в таких социальных группах традиционные нормы совпадают с общественными идеалами или ценностям, где санкцией является коллективное одобрение или неодобрение. Мы можем проиллюстрировать данную особенность на примере Тробрианских островов. В одном из внутрисемейных конфликтов один из аборигенов убил своего брата. «Магистрат белых людей приговорил его к двенадцати месяцам заключения. Аборигены восприняли это решение как возмутительную несправедливость. Убийство одного брата другим – исключительно внутрисемейное событие, безусловно, страшное преступление и ужасная трагедия, но внешний мир не имеет к этому никакого отношения и может только выражать свое сожаление и ужас, но не вмешиваться» [3, с. 88].

Но для законодательного типа регуляции одобрение или неодобрение объекта (нормы) не играет какой-либо значимой роли. Санкция такого рода способна распространяться только на субъект (инстанцию, легализующую данную норму).

Фактически, легализация определенного явления способна привести к нескольким последствиям. Во-первых, это одобрение этого явления. Так, например, государство, церковь или любая другая инстанция, официально легализуя проституцию, подчеркивает свое положительное отношение к ней.

Во-вторых, большинство социальных явлений является взаимосвязанным между собой и нередко имеет под собой одну и ту же основу. По этой причине даже частичная легализация одной, конкретно взятой социальной нормы

косвенно позволяет пересмотреть ценностное отношение ко всей системе в целом. Наиболее наглядно это видно на примере анализа «убийства» в работах А. Камю. Сравнивая две категории «убийство» и «самоубийство», мыслитель ставит между ними знак равенства: «Невозможно оправдать убийство, если отказываешь в оправдании самоубийству. Ум, усвоивший идею абсурда, безоговорочно допускает фатальное убийство, но не принимает убийства рассудочного. С точки зрения противостояния человека и мира убийство и самоубийство равнозначны. Принимая или отвергая одно, неизбежно принимаешь или отвергаешь другое.... Наше столетие охотно допускает, что убийство может быть оправдано, и причина этого кроется в безразличии к жизни, свойственном нигилизму. Конечно, были эпохи, когда жажда жизни достигала такой силы, что выливалась и в злодеяния. Но эти эксцессы были подобны ожогу нестерпимого наслаждения, у них нет ничего общего с тем монотонным порядком, который устанавливает принудительная логика, все и всех укладывающая в свое прокрустово ложе. Подобная логика выпестовала понимание самоубийства как ценности, доходя даже до таких крайних следствий, как узаконенное право лишить человека жизни» [2, с. 123].

Одним из ключевых моментов в рассуждении А. Камю является категория «логика». Традиционный тип системы регуляторов иррационален, алогичен и, говоря языком Я. Э. Голосовкера, имагинативен (подчинен энигматической логике) [1, с. 110 - 111]. В ее основе лежат «особые категории, но отнюдь не перспективные, а абсолютные, так как в имагинативном мире нет места ни гипотезе, ни вероятности, ни апории. И если в нем возникает положение условное, то и оно носит безусловный характер; и если в нем возникает непоследовательность, то и она носит последовательный характер: иначе говоря, в имагинативном мире существуют только безусловные условия и последовательность непоследовательностей, отвечающие ее категориям» [1, с. 110]. Иными словами, каждая норма традиционной регуляции рекомендует конкретную модель поведения непосредственно в определенной контекстной ситуации. Так, инцест как ритуал (например, перед охотой) и инцест как способ удовлетворения сексуальных потребностей будет оцениваться как два абсолютно разных феномена [6]. Кроме того, в качестве дополнительных аббераций может выступать социальный статус (инцест в кровнородовой семье монархической династии) или иные, личностные характеристики. Последнее можно проиллюстрировать на примере, описанном Б. Малиновским, касательно Тробрианских островов: «Помимо инцеста меду братом и сестрой существует ... другое нарушение правил экзогамии, которое называется сувасова. Мужчине запрещено вступать в отношения с женщиной из той же родовой общины под страхом позора и образования чирьев по всему телу.... В действительности, такие проступки осуждаются мало.... Выражение Суvasова йоку – «Ты, нарушитель закона экзогамии!» близко к нашему «Эй, ты, гуляка!» и является шутивным комплиментом» [3, с. 86-87].

Однако законодательный тип регулятивной системы принципиально основывается на логической структуре. Явление остается таковым вне зависимости от контекста своей интерпретации, что можно сравнить с законом

тождества в аристотелевской логике. Так, например, самоубийство, смертная казнь, убийство по неосторожности и убийство в целях самозащиты, по сути, будут продолжать оставаться «убийством человека», но совершенным в разных контекстах.

На наш взгляд, данное внутреннее противоречие может решаться при помощи двух механизмов. В первом случае, происходит подмена объекта нормы другим, близким по значению явлением. Так, например, весьма проблематично законодательно запретить инцестуальные взаимоотношения. По этой причине данный феномен заменяется институционально контролируемым запретом брака между близкими родственниками [5]. Разумеется, в этом случае возникает вопрос о тождестве брака между близкими родственниками с таким явлением, как брак вообще (что, например, вызывает некоторые затруднения с интерпретацией гомосексуального брака).

Во втором случае происходит попытка исключения того или иного понимания объекта нормы при помощи трансформации явления. К примеру, относительная легализация аборт осуществляется за счет того, что происходит уточнение понимания «человека». Аборт позиционируется не как убийство человека, а как убийство эмбриона. Эмбрион не тождественен человеку. Это различие хорошо видно на примере, приведенном Ю. Хабермасом: «Недавно сообщалось об изменениях в законе федеральной земли Бремен о похоронах. Принимая во внимание случаи мертворождения, преждевременных родов, а также клинического прерывания беременности, новая редакция закона требует, чтобы погибшим человеческим зародышам также оказывалось уважение, подобающее скончавшимся людям. Мертвые зародыши не выкидываются как «этические отбросы»... но анонимно захораниваются на кладбище в специальной общей могиле ... комментарий газеты, опубликовавший материал о новом бременском похоронном законе по поводу анонимного захоронения мертвых зародышей в общей могиле, проливает свет на одно интуитивное различие, которое мне представляется чрезвычайно важным: «Бременские граждане также осознают, что было бы бестактно – и, возможно, даже приближалось бы даже к коллективной патологии, – если бы человеческие эмбрионы и зародыши должны были захораниваться таким же точно образом, как и умершие при родах младенцы» [7, с. 144].

Таким образом, несмотря на очевидную выгоду для инстанции (такой, например, как государство) законодательной легализации или запрета самых разнообразных социо-культурных явлений, она сталкивается с внутренними противоречиями, имплицитно включенными в саму регулятивную систему. К ним относится: аксиологическое априорное одобрение нормы инстанцией, ее легализующей, а также тождество объекта самому себе, вне зависимости от обширного контекста, в котором он употребляется.

Литература:

1. Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.

2. Камю А.. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусств: М.: Политиздат, 1990. Ст. 415 с.
3. Малиновский Б. Секс и вытеснение в обществе дикарей. – М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 224 с.
4. Ноздронов А.В. Феномен «доминантной» регулятивной системы. В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. № 5.2(53).
5. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995г. №223 – фЗ. Раздел II, Гл.3.Ст.14
Обстоятельства, препятствующие заключению брака
6. Фрейд З.; Тотем и табу; СПб.: Азбука-классика; 2005. 256 с.
7. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. 144 с.